

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ: ОПЫТ ПСИХОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Н. Ю. Бухнер, И. В. Рогозина

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

Статья является первой из серии запланированных статей, посвященных моделированию этнической ситуации в Алтайском крае. Моделирование осуществляется с опорой на данные психосоциалингвистического эксперимента, цель которого состоит в выявлении маркеров вербальной агрессии в отношении представителей ряда этносов, проживающих и работающих на территории края. В статье моделируется концепт УЗБЕКИ, репрезентанты которого отражают отношение представителей русского этноса к узбекскому.

Ключевые слова: этнос, психосоциалингвистический эксперимент, концепт, этническая напряженность, гендер, модель, моделирование.

VERBAL AGGRESSION TOWARDS MIGRANTS: PSYCHOSOCIOLINGUISTIC MODELING EXPERIENCE

N. Yu. Buhner, I. V. Rogozina

Altai state technical university, Barnaul, Russia

Abstract. This paper is the first in the planned series devoted to modeling the ethnic situation in Altai Krai. Simulation is based on the data of a psycholinguistic experiment whose objective is to identify markers of verbal aggression against members of a number of ethnic groups living and working in the region. This paper models the concept UZBEKS which reflects the attitude of Russians to Uzbek migrants.

Keywords: ethnicity, psycholinguistic experiment, concept, ethnic tensions, gender, model, simulation.

Резкое ухудшение экономической, политической и социальной ситуации после распада СССР инициировало процессы миграции народов бывших советских республик на территорию различных субъектов Российской Федерации, включая и Алтайский край. В результате миграционных процессов стал обнаруживать себя общий тренд – рост межэтнической напряженности. Однако в каждом отдельном регионе этот общий тренд манифестирует себя различным образом. Это подтверждается исследованием уровня межэтнической напряженности, проведенном сотрудниками Центра изучения национальных конфликтов и «Клуба Регионов» в 2013–2014 гг. [1].

Положив в основу исследования критерий выраженности этнически мотивированных насильственных и ненасильственных действий, ученые выделили типы субъектов Российской Федерации в зависимости от то-

го, какие этнически мотивированные действия для них характерны:

- массовые насильственные действия;
- массовые ненасильственные конфликтные действия с отдельными случаями этнически мотивированного насилия;
- целенаправленные насильственные этнически мотивированные действия в сочетании с массовыми ненасильственными действиями;
- ненасильственные конфликтные действия и единичные случаи этнически мотивированных насильственных действий;
- отсутствие зафиксированных или доказанных конфликтных действий по этническому признаку [1].

Несмотря на различия в степени остроты указанной проблемы в разных субъектах РФ, перед каждым из них встает задача получить глубокое и комплексное представление о характере формирующихся в новых условиях межэтнических отношений и разработать

систему мер, направленных на урегулирование уже существующих межэтнических конфликтов и предотвращение потенциально возможных.

Такая задача встает и в Алтайском крае как одном из регионов, в которых также происходят миграционные процессы. По данным всероссийской переписи населения, в Алтайском крае проживает более 100 национальностей. При сравнении данных переписей 2002 и 2010 гг. отмечается два параллельно протекающих процесса: убыль представителей традиционно проживающих на территории Алтайского края этносов – русских, украинцев, белорусов, немцев, татар, мордвы и миграционный приток из стран – бывших республик СССР: Узбекистана, Таджикистана, Армении, Азербайджана и др. [2].

Обращение к статистической информации о национальном составе Алтайского края по результатам переписи населения 2010 г. показывает, что в его структуре представители бывших южных республик СССР суммарно составляют около 1 %:

- казахи – 0,34 %;
- армяне – 0,32 %;
- узбеки – 0,12 %;
- таджики – 0,09 %;
- грузины – 0,03 % [2].

При этом следует иметь в виду, что официальные данные не в полной мере отражают реальные миграционные процессы, имеющие место в регионе, поскольку далеко не все мигранты проходят процедуру официальной регистрации.

В настоящее время Алтайский край относят к числу не конфликтных в этническом отношении регионов. Однако в других субъектах РФ уже происходит интенсивный рост напряженности между представителями русского этноса и выходцами из Средней Азии и Северо-Кавказского региона. Анализ текущей миграционной ситуации в Алтайском крае позволяет предположить, что в нем в латентной форме могут протекать процессы, которые в свое время инициировали обострение межэтнических отношений, например, в Ставропольском крае и Татарстане, и которые в будущем могут проявить себя в аналогичной степени. В качестве доказательства этого тезиса уместно привести сопоставительный анализ количества проживавших на территории Алтайского края представителей названных выше этносов. Данные переписи показывают значительное увеличение количества армян, азербайджанцев, узбеков и таджиков в начале XXI века. Так, в 2002 г. по

сравнению с 1979 г. произошел резкий скачок в количестве представителей указанных выше этносов:

- армян – в 6,9 раза (1 172 – 1979 г. и 8 105 – 2002 г.);
- азербайджанцев – в 6,4 раза (909 – 1979 г. и 5 852 – 2002 г.);
- узбеков – в 2 раза (990 – 1979 г. и 1 956 – 2002 г.);
- таджиков в 10,2 раза (159 – 1979 г. и 1 617 – 2002 г.) [2].

Этот количественный рост привел к определенным качественным изменениям, нашедшим выражение в создании ряда национальных объединений, зарегистрированных как НКО, что свидетельствует о консолидации этносов и их желании занять определенную нишу в социальной и экономической структуре региона. Согласно официальным данным, в настоящее время в Алтайском крае зарегистрированы 4 азербайджанских и 3 армянских организации, а узбеки и таджики имеют по 1 организации соответственно [3].

Несмотря на то, что в абсолютных цифрах число мигрантов не столь значительно, существует необходимость проведения многоэтапного психосоциологического междисциплинарного исследования диагностического характера с целью моделирования межэтнической ситуации в Алтайском крае. Создание подобной модели предполагает, с одной стороны, определение отношения представителей русского этноса к представителям этнических диаспор в регионе, а с другой стороны, выявление особенностей восприятия титульного этноса этническими диаспорами.

Диагностика такого рода возможна только при условии выхода на ментальные структуры, хранящие знание об иных этносах и их культурах. Такую возможность предоставляет ненаправленный ассоциативный эксперимент, по той причине, что при его проведении информантам предлагаются интересующие исследователя слова-стимулы, на которые испытуемых просят отреагировать, вербально фиксируя первое пришедшее в голову слово. Слово-стимул в эксперименте и рассматривается как то, что выводит испытуемого на соответствующий фрагмент этнического сознания.

В качестве первого этапа запланированного исследования нами была проведена серия ненаправленных ассоциативных экспериментов с целью построения элементов модели, репрезентирующих языковое сознание жителей Алтайского края на предмет присут-

ствия в нем агрессии/толерантности в отношении мигрантов – узбеков, армян, азербайджанцев и таджиков. Настоящая статья, являющаяся первой в запланированной серии статей, преследует цель построения компонента модели межэтнической ситуации в Алтайском крае, репрезентирующего отношение представителей русского этноса к представителям узбекского этноса. Для достижения поставленной цели нами была разработана анкета ассоциативного эксперимента, содержащая ряд слов-стимулов, включающих и лексику, номинирующую этот этнос.

В ходе проведенного в мае 2015 г. ассоциативного эксперимента разработанная анкета была предложена 125 респондентам – студентам 1 и 2 курсов Алтайского технического университета им. И.И. Ползунова. В результате было получено 125 реакций на вербальный стимул *узбеки*, как номинирующий этнос, представители которого, согласно приведенным выше данным, проживают и работают на территории Алтайского края.

Для осмысления полученных экспериментальным путем ассоциатов важна исходная посылка о том, что реакции на определенный вербальный стимул представляют собой фиксацию той связи, которую респондент устанавливает между некими культурными объектами и представителями иного этноса. Иными словами, фрагмент модели межэтнической ситуации базируется на том, что корреляция между словом-стимулом и получаемым ассоциатом определяется той связью, которая формируется между культурой испытуемых, принимающей форму знаний и опыта, включая чувственный опыт, и знаниями и опытом, источником которых становится другая культура. Поэтому слово-стимул *узбеки* потенциально способно «высветить» приобретаемое опытным путем культурно детерминированное знание, «запечатлеваемое в концепте как одной из целого ряда когнитивных структур, которыми оперирует сознание индивида» [4, с. 496].

В силу сказанного наиболее релевантным для нашего исследования является принадлежащее Ю. С. Степанову определение концепта, в котором акцентируется его этнокультурологический аспект, поскольку концепт рассматривается ученым как то, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [5, с. 41]. Следовательно, этнолингвокультурологический подход к пониманию концепта сопряжен со способностью этой ментальной структуры запечатлевать, отражать не только «дух своего народа», но и

«дух другого народа», его национально-культурную специфику [6, с. 79], которая потенциально может служить причиной межкультурной напряженности.

Таким образом, моделирование структуры концепта УЗБЕКИ на основе экспериментально полученных реакций респондентов – это реконструкция того, что знают, представляют и чувствуют современные представители русского этноса в отношении представителей узбекского этноса. Реконструкция осуществлялась сначала посредством распределения полученных в результате эксперимента 125 реакций по таким компонентам концепта, как *понятие, представление и эмоция/оценка*, а затем интерпретации включенных в их состав реакций, поскольку каждый компонент имеет свои особенности хранения этнически детерминированного знания.

В результате к понятийному компоненту концепта были отнесены 24 реакции (19,2 % от общего количества реакций): *национальность* (10), *нация* (3), *люди* (7), *человек* (1), *Узбекистан* (2), *Восток* (1). Если 8 реакций (*люди* и *человек*) фиксируют принципиальное сходство этносов в том, что они состоят из людей, то 16 реакций (*национальность, нация, Узбекистан, Восток*) можно рассматривать как маркеры ментального разъединения этносов по признаку национальности и национальной территории проживания. Иными словами, русские ограничивают пространство обитания узбеков рамками Узбекистана.

Второй компонент концепта – представление – зафиксировал 81 респондент (64,8 % от их общего числа). Преобладание реакций-представлений, на наш взгляд, закономерно, поскольку индивид осваивает культурное пространство своего социума со всеми его инокультурными включениями, возникающими и в результате представленности в нем других этносов тем, что создано их представителями в процессе как умственного, так и физического труда. Если рассматривать культуру как совокупность проявлений деятельности определенного этноса в различных областях его жизни [7, с. 17], то реакции на слово-стимул *узбеки* указывают, прежде всего, на преимущественно трудовую деятельность представителей этого этноса на территории Алтайского края. В этой связи значимыми для информантов оказались ручной характер труда, выполняемая работа и типичные места осуществления узбеками трудовой деятельности, составившие 25,9 % от общего количества реакций-представлений:

- **ручной характер труда** – работа (2), рабочие (2);

- **выполняемая работа** – дворник (3), ремонт (1);

- **места осуществления трудовой деятельности** – стройка (3), базар (1), чайхана (1), узбечка (7), Домодедово (1).

Однако 37,5 % реакций-представлений показывают, что испытуемые в большей степени знакомы с плодами кулинарной деятельности узбеков. Самые частотные реакции в совокупности с рядом единичных относятся к **узбекской кухне**, – кухня (7), еда (5), плов (23), шаурма (7), чебурек (3), шашлык (3), лаваш (2), беляш (2), самса (1), лагман (1), арбуз (2).

Обозначенные реакциями блюда узбекской кухни (или ошибочно к ней относимые респондентами) воспринимаются как наиболее яркие носители этноспецифичности узбекского этноса. В любом случае полученные реакции свидетельствуют об опыте потребления узбекских блюд, в том числе и в так называемых узбечках – небольших и недорогих кафе, число которых постоянно увеличивается в городах Алтайского края.

Таким образом, рассмотренные выше группы реакций отражают существующее в сознании представителей русского этноса место узбекского этноса в стратификационной структуре общества, основанное на профессиональных признаках. Узбекам отводится место в низших слоях общества, преимущественно занятых физическим трудом, оказанием услуг для представителей титульного этноса. Доказательством этого тезиса является отсутствие реакций, отражающих восприятие узбеков как отдельных индивидов с выраженными личностными свойствами и особенностями.

Весьма немногочисленная группа реакций связана с тем, что ученые называют предметным кодом культуры – с такими **этноспецифичными культурными предметами** как *тюбетейка* (2), *костюмы* (1). Являясь культурно-национальными символами, национальные костюмы и отдельные предметы имеют выраженную семиотическую природу, наиболее наглядно маркируя этническую принадлежность.

Что касается единичной реакции *насвай*, то она свидетельствует о том, что узбеков воспринимают как потенциально возможных курьеров – распространителей наркотических средств на территории Алтайского края.

Таким образом, компонент **представление** концепта УЗБЕКИ обладает высокой сте-

пенью этнокультурной наполненности и этнокультурной обусловленности [8, с. 141], а его ассоциаты фиксируют совокупность представлений русской лингвокультурной общности об узбекском этносе.

Являясь важным компонентом, сопровождающим мыслительные процессы, эмоции также формируют образ представителей узбекского этноса в силу того, что для человека «когнитивно значимым оказывается не только знание и представление об объекте познания, но и эмоционально окрашенное «переживание» этого знания [6]. Эмоция и оценка оказались актуальными для 19 респондентов (15,2 % от общего числа участников эксперимента). Концепт УЗБЕКИ репрезентирован как положительной эмоцией/оценкой, так и отрицательной. На долю репрезентантов положительной эмоции/оценки приходится 9 эмоционально-оценочных реакций: *братья* (4), *тоже люди* (1), *добро* (1), *богатство* (1), *сплоченность* (2). Реакции *братья* и *тоже люди* (56 % всех положительно оценочных реакций) указывают на отсутствие у отдельных респондентов отторжения по отношению к другому этносу. Остальные реакции этой группы «рисуют» своеобразный портрет узбекского этноса как сплоченного по сравнению с русским этносом и богатого.

10 эмоционально-оценочных реакций репрезентирует отрицательную эмоцию/оценку: *чурки* (2), *кыргызы* (1), *приезжие* (1), *много* (1), *расизм* (1), *свинеры* (1), *овечки* (1), *веки* (1). Именно этот сегмент эмоционально-оценочного компонента концепта, как правило, содержит маркеры вербальной агрессии, которая имеет определенные градации, зависящие от тактик коммуникативного поведения, к числу которых Н. С. Якимов относит тактики оскорбления, насмешки и колкости [9, с. 12].

Моделирование концепта УЗБЕКИ, предпринятое в настоящей статье, позволяет сделать вывод о том, что эта ментальная структура запечатлевает опыт представителей русского этноса, возникающий в результате контактов с представителями узбекского этноса и задающий некоторую дистанцию между этносами, требующую демаркационной линии, их разграничивающей.

Будучи результатом социального познания, сопряженного с существованием в «своей» культуре [10, с. 189], личный опыт представителей русского этноса не может не определяться и рядом других факторов, в частности, гендерной принадлежностью респондентов. Считая необходимым создание много-

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ: ОПЫТ ПСИХОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

мерной модели межэтнических отношений в Алтайском крае и исходя из предположения о том, что представители иного этноса могут по-разному восприниматься мужчинами и женщинами. Из 125 реакций 55 было получено от респондентов женского пола, а 70 от респондентов мужского. Мы сочли необходимым определить степень наполненности компонентов концепта мужскими и женскими реакциями как потенциально информативную. Поэтому для каждого компонента концепта мы определили процентное соотношение гендерно детерминированных реакций (рис. 1).

Обратимся к сопоставлению гендерно детерминированных данных эксперимента, начав с компонента *понятие*. Прежде всего, обращает на себя внимание существенно большее количество реакций-понятий, зафиксированных респондентами женского пола по сравнению с мужчинами – 28 % и 13 % соответственно.

Компоненты концепта	Все-го	Мужчины	Женщины
Понятие	19 %	13 %	28 %
Представление	65 %	71 %	57 %
Эмоция/оценка	15 %	16 %	15 %

Рисунок 1. Таблица гендерно детерминированного наполнения компонентов концепта УЗБЕКИ.

Однако более существенные различия, на наш взгляд, являются не количественными, а качественными. Более 50 % реакций-понятий, зафиксированных мужчинами, свидетельствуют о том, что для представителей мужского пола характерна концентрация на человеческом измерении узбекского этноса, по сути, на том, главным, что объединяет этносы – они состоят из людей. Поэтому для респондентов-мужчин оказывается значимым момент сходства, общности двух народов.

При рассмотрении женских реакций-понятий возникает противоположная картина: они обнаруживают значительно больше элементов отторжения, разъединения двух этносов. Большая часть реакций-понятий женщин (80 % от общего числа), такие как *восток* (1), *национальность* (7), *нация* (2), *Узбекистан* (2) подчеркивают этнические различия и свидетельствуют о восприятии представителей узбекского этноса как чужеродного, имеющего другую территорию проживания, что можно рассматривать в качестве элементов этнической напряженности по отношению к узбекам.

Не меньший интерес представляет и распределение по двум гендерным группам реакций-представлений. Полученные данные показывают, что мужчины более, чем женщины склонны хранить этнически релевантное знание в виде представлений как наиболее операционально значимого для них формата. Что касается содержательного аспекта ассоциатов этой группы, то и у респондентов мужского и женского пола представления об узбеках связаны с их местом в социальной структуре общества, с их профессионально-должностным статусом. Частотные реакции женщин: *плов* (10), *кухня* (3), *узбечка* (3), *стройка* (3). Практически такие же реакции у респондентов мужского пола, причем самыми частотными являются: *плов* (13), *еда* (4), *узбечка* (4), *дворник* (3). Своими ассоциатами респонденты указывают на «место» узбеков в структуре профессий региона: непрестижная, «черная» работа, связанная с низким социальным статусом ее представителей.

Несмотря на то, что количество эмоционально оценочных реакций представителей обеих гендерных групп практически одинаково, они создают два существенно отличающихся ассоциативных поля. В целом более позитивное отношение к данному этносу проявляют представители мужского пола, что подтверждается ассоциатами *братья*, *богатство*, *добро*. Вместе с тем, именно у мужчин появляется маркер вербальной агрессии – ассоциат *чурки* (2), имеющий целый ряд значений пренебрежительно-уничижительного свойства. Во-первых, эта лексема является грубой и пренебрежительной номинацией жителей Средней Азии, а во-вторых, характеризует узбеков как недалеких, глуповатых и необразованных людей.

Эмоционально оценочные реакции женщин как положительные, так и отрицательные, не демонстрируют благополучия в отношении к представителям узбекского этноса. Одну группу ассоциатов можно вполне соотнести с эмоцией страха – *сплоченность* (2), *много* (1). Становится очевидным, что сплоченная масса иностранцев вызывает у женщин определенную этническую напряженность. Другая группа реакций свидетельствует о явно негативном отношении – *овечки* (1), *свинеры* (1), *эй дэвушка* (1). Дело в том, что в Алтайский край в основном приезжают представители мужского пола, как правило, ходят группами, не всегда адекватно реагируют на отказ женщин от знакомства. Ассоциат же *приезжие* (1) реализует известную конфронтационную ментальную схему

«СВОЙ – ЧУЖОЙ», указывая на то, что представители этноса живут не на своей территории. В любом случае, суммарно реакции этой группы указывают на то, что женщины воспринимают представителей узбекского этноса как потенциально опасных субъектов.

Таким образом, предпринятое в статье моделирование фрагмента этнической ситуации в Алтайском крае позволяет сделать следующие предварительные выводы. На данном этапе напряженность представителей русского этноса в отношении узбекского этноса можно определить как не представляющую существенной угрозы в плане межэтнического конфликта. Вместе с тем, созданная модель отражает определенную этническую реальность: представители русского этноса воспринимают узбекский этнос «изнутри своей культуры». Это свидетельствует о ментальном разграничении двух этносов, основанном на различиях в «культурных сценариях» [11, с. 653–655], которые, при условии увеличения представленности узбекского этноса в Алтайском крае, могут стать причиной межэтнической напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦИНК. Гроздья Гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России [Электронный ресурс] / 2014. Совместный проект Центра изучения национальных конфликтов и федеральной экспертной сети «Клуб Регионов». – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Всероссийская перепись населения: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] / сайт Федеральной службы государственной статистики. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_ito_gi1612.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Национально-культурные объединения Алтайского края [Электронный ресурс] / Официальный сайт Алтайского края. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.altregion.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Рогозина, И. В. Концепт «РУССКАЯ КУЛЬТУРА» как фрагмент наивной картины мира [Текст] / И. В. Рогозина / Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 17. – Кемерово, 2012. – С. 396–401.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
6. Белая, Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 208 с.
7. Гришаева, Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
8. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
9. Якимова, Н. С., Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Н. С. Якимова. – Кемерово, 2012
10. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 320 с.
11. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 653–655.

Бухнер Наталия Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры "Философия и социология"

Рогозина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой "Английский язык"

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (АлтГТУ), г. Барнаул, Россия